

Н. Н. Филянина

**ЛАКШИН КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК НА СТРАНИЦАХ
МЕМОАРОВ СОЛЖЕНИЦЫНА «БОДАЛСЯ ТЕЛЕНОК С ДУБОМ,
ОЧЕРКИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ»**

Теленок с дубом пободался.
Дуб зашатался ...но остался.
Тогда он стал подряд
Бодать других телят
Д.А.Шаховской

На страницах мемуарной книги «Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни» Солженицын воссоздает картину литературной и общественной жизни России 60-х - 70-х годов.

Одной из центральных тем книги является история развития отношений автора с журналом «Новый мир». Перед читателем предстают образы сотрудников журнала. Не обходит вниманием Солженицын и Владимира Яковлевича Лакшина, соратника А.Т.Твардовского, первого заместителя главного редактора в 60-е годы. Цель данной работы – рассмотреть на материале мемуарной книги Солженицына особенности отражения конкретных исторических личностей, а именно – Владимира Яковлевича Лакшина, что позволит охарактеризовать художественную специфику автобиографических моментов.

«Хотя много раз виделись мы с Лакшиным, но всегда бегло, кратко, наспех (из-за меня), да и дел-то мы с ним ни одного никогда не решали, все мои решались Твардовским. А по закрытости характера его и моего у нас не возникало и подробных ненаправленных разговоров. И так, не имею прочных оснований судить о его убеждениях и побуждениях. Но – не обойти его повествованием. И рискну, опираясь на явные факты, дать не столько достоверный портрет его, сколько этюд о нём» [4, с. 101] – таким вступлением предваряет Солженицын свой рассказ о Лакшине, человеке, которого знала вся читающая литературные журналы Россия.

«Я считаю Лакшина весьма одарённым литературным критиком – уровня наших лучших критиков XIX века, и не раз высказывал так ему. Он и сам эту традицию знал в себе и очень ею дорожил, со вкусной баритональностью поставленного голоса произносил: До-бро-лю-бов» [4, с. 101]. Солженицын отмечает, что в своей критике Лакшин зачастую «дотолковывает сюжет, нравственно доясняет персонажей», «начитан в предшественниках, немало и к месту цитирует их», является приверженцем «живого разговора с читателем», но тут же указывает и на то, что вытекающая отсюда «неторопливая», «очень вкусная» манера

изложения «не поспевает за нашим временем» и «отличный» русский язык использует критик «иногда». Далее мемуарист «даёт критический разбор собственного критика», а именно статьи Лакшина об «Иване Денисовиче»: «Перелагая и толкуя повесть, критик и сам старается выдержать соответствующий ей лексический фон – «ведаться с бедами», «стыден был», «со свежа», – приём художника, а не критика. И другой приём художника: Лакшин вводит в статью самого себя – то для характеристики своего поколения («едут мимо жизни, семафоры зелёные»), то даже для прямого политического обвинения, но выраженного художнически-мягко, очень тонко: в дни когда Иван Денисович ходил на зимний развод, юный Лакшин «любил смотреть на красивые, недоступные, чуть подбелённые изморозью стены Кремля» и «зубрил курс сталинского учения о языке». Такое – по расчёту не получится, оно рождено искренним движением в те немногие месяцы перемежной хрущёвской оттепели, когда можно было увлечься и вправду поверить, что «это не повторится» [4, с. 102]. Указывает мемуарист и на то, что Лакшин неоднократно перечитывает анализируемое произведение «явно не по разу, то вдоль, то поперек» и угадывается читателем мемуаров в этом почему-то авторская раздраженность, упрекает Солженицын Лакшина и в том, что последний является порождением эпохи, приспособившимся и приноровившимся «к подцензурному многозначительному писанию» и саркастически-неоднозначно потому звучит фраза о том, что «этому критику дано от природы многое». Далее мемуарист останавливается на факторах личного и социального характера, сформировавших, с его точки зрения, Лакшина как личность, как литературного деятеля; упоминает о болезненности (с 1940 по 1948 год Лакшин лежал в клинике костно-суставного туберкулёза, поэтому учился заочно и десятилетку окончил с аттестатом Московской очно-заочной школы рабочей молодёжи), о юношеских пристрастиях (увлёкся изучением русской классики XIX века, занимался в толстовской семинарии у Гудзия Н.К.), но делает это весьма обобщенно, бросая вызов в лице Лакшина многим «успешным советским молодым людям 30-х-50-х годов» не упустивших «требования успешности» [4, с. 102]. Солженицын задается вопросом: «Как же иметь выдающиеся способности и, несмотря на это, найти им простор? Сама природа защищает свои творения, снабжает их качествами для выживания. Поколение, кончавшее среднюю школу близ великого сталинского семидесятилетия, не расщепляло в себе служебности и искренности, это перевивалось в нём – и оно могло брать воздух там, где его совсем не было». И далее, обрывая свое повествование-рассуждение обобщенного характера, мемуарист возвращается к персоналии Лакшина и строки эти звучат как обвинение: «Во всяком случае, мы видим, что Лакшин не задохнулся: он вёл семинары в Университете, стал нерядовым критиком, даже заведовал отделом критики «Литгазеты», а через комиссию по наследству Щеглова, утерянному

«Новым миром», всё ближе становится к этому журналу, сдруживается с редколлекцией, замечен и излюблен Твардовским, который решает, что вот этого мальчика он выведет в литературные звёзды» [4, с. 102]. И как обвинение и Твардовскому так и Лакшину звучит резюме Солженицына: «Правилен был и выбор Лакшина: он нашёл единственную из ста невозможностей расцвести в этой стране, в эти годы – защищённый верным прочным крылом Твардовского. И быстро стало укрепляться их взаимопонимание, двоякое: художественное и общественное, две линии, которые Твардовскому всегда очень трудно было гармонизировать, он как бы разными органами их воспринимал, а у Лакшина всегда сходилась ладно и примирительно, всегда подворачивались ленинские цитаты, которые соединяли мостиками несоединимое» [4, с. 102]. Заканчивает Солженицын этюд о Лакшине упоминанием о вступлении последнего в КПСС и о тех изменениях, которые происходят с людьми, достигшими каких-то определенных высот: «Сами мы себя вперёд не ожидаем, как изменимся, занимая новые посты, принимаясь за новую работу. Не только внешне – осанка, другое лицо, тонко-шнуровые усики, другая походка, переход на «вы», кого называл раньше на «ты». Но и сам твой литературно-критический талант как-то переображается, перераспускается в талант административный, талант оглядчивости, учёта опасностей – словом, для либерального журнала, талант хождения по канату, без чего журнал такой не может выходить». И как приговор звучит фраза: «Новое поколение не всегда приносит обновление форм жизни (достаточно видим это и по руководству нашей страны), напротив, расчёт на долголетний путь заставляет искать стабильности» [4, с. 103].

Яков Липкович в очерке «Владимир Лакшин и другие» пытается воссоздать образ Лакшина-литературного деятеля: «Литературное наследие Владимира Яковлевича Лакшина, безусловно, значительно. Особенно заметны его труды о Толстом, Островском, Чехове, Булгакове и ... Солженицыне, который за все то доброе, что Лакшин сделал ему, «отблагодарил» в «Бодался теленок с дубом» серией надуманных, несправедливых упреков и обвинений». Липкович рассказывает «...о непростом, далеко не дружеском отношении к Лакшину Солженицына, особенно учитывая тот факт, что без Лакшина вряд ли бы был опубликован «Один день Ивана Денисовича» и бесстрашно заключен договор на «В круге первом». Конечно, о печатании в России «Архипелага ГУЛАГ» и других произведений Солженицына в те годы не могло быть и речи. Понимая это, Солженицын тем не менее осуждает, как он считает, за трусость как Твардовского, так и Лакшина» [3, с. 3]. Далее критик отмечает, что «Солженицын постепенно, так, что поначалу трудно придаться, спускает на тормозах свое недавнее восхищение. ...И начинает оный этюд, казалось бы, с признания в любви... И так постепенно, капля за

капель, вносится отрицание того, что написано выше о Лакшине...» [3, с. 3].

Владимир Лакшин в статье «Солженицын, Твардовский и «Новый мир» пишет следующее: «...Когда летом 1975 года прочитал впервые изданные в Париже мемуары Солженицына, не сразу мог поверить, что им это написано, подумал, что заболелаю... Невеликодушные его памяти меня ошеломило» [1, с. 593] Далее Лакшин, как бы извиняясь перед читателями за «излишне личный тон» говорит о том, что «я не статью для журнала пишу, а с прожитой жизнью пытаюсь объясниться» [1, с. 596]. Критик вступает в полемику с Солженицыным, защищая от его нападок Твардовского, которого считал «вторым своим отцом» [1, с. 602], «многих...товарищей и друзей», а главное, что не может понять и простить Лакшин Солженицыну, это осквернение «собственной колыбели» - «...запятнал дело журнала, бывшее в глазах миллионов людей в нашей стране и во всем мире достойным и чистым» [1, с. 603]. Лакшин принимает вызов, чувствуя на себе долг ответить за Твардовского, однако поразительно то, что какими бы ни были обстоятельства, описываемые на страницах статьи, рефреном звучит идея: «Все это я пишу, чтобы показать, как дорог лично и по литературным путям оказался мне Солженицын» [1, с. 600], или «я привык считать Солженицына близким себе человеком» [1, с. 600].

В своих мемуарах, при всем многообразии персонажей, изображенных на страницах, Солженицын является главным персонажем, а все события так или иначе сконцентрированы вокруг творческой судьбы мемуариста. Солженицын сложен, неоднозначен, пристрастен к «писанию по правде», что «делает его неустанным ревизионистом всех» [2, с. 359]; иногда его критика крайне несостоятельна, субъективна, очевидна раздраженность и придирчивость; зачастую он противоречит сам себе, то – ругая, то – восхищаясь Твардовским, Лакшиным, Дементьевым и др. К нему приклеено много ярлыков: отрицательных, положительных, он постоянно шокирует резкостью своих суждений, но он самобытен во всем, он – новатор, а потому и актуален.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакшин В. Я. Солженицын, Твардовский и «Новый мир»/В. Я. Лакшин //Литературно-критические статьи. - М.: Гелиос, 2004. - 672с.
2. Лосев Л.В. Солженицын и Бродский как соседи/ Л. В. Лосев. - СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. - 608с.
3. Липкович Я. Владимир Лакшин и другие / Я. Липкович// Вестник. - 2003.- № 11(322).-С. 3-5.

4. Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни/ А.И. Солженицын. - Париж: YMCA-PRESS, 1975. - 302с.

АНОТАЦІЯ

Н.М. Філянiна

ЛАКШИН ЯК ЛІТЕРАТУРНИЙ КРИТИК НА СТОРІНКАХ МЕМУАРІВ СОЛЖЕНИЦІНА «БОДАЛСЯ ТЕЛЕНОК С ДУБОМ. ОЧЕРКИ ЛІТЕРАТУРНОЇ ЖИЗНИ»

У статті зроблено спробу проаналізувати художню специфіку автобіографічних моментів на матеріалі мемуарів Солженіцина «Бодался теленок с дубом». Зіставлені події та особи, що знайшли відображення в літературній пам'яті Солженіцина. При усьому розмаїтті персонажів, що зображені на сторінках мемуарів, письменник залишається головним персонажем. Усі події сконцентровані навколо творчої долі мемуариста й підпорядковані їй.

Ключові слова: мемуари, літературний нарис, образ автора, жанр, літературна епоха.

АНОТАЦИЯ

Н. Н. Филянина

ЛАКШИН КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК НА СТРАНИЦАХ МЕМУАРОВ СОЛЖЕНИЦЫНА «БОДАЛСЯ ТЕЛЕНОК С ДУБОМ. ОЧЕРКИ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ»

В статье сделана попытка проанализировать художественную специфику автобиографических моментов на материале мемуарной книги Солженицына «Бодался теленок с дубом». Сопоставлены события и личности, отраженные в литературной памяти Солженицына. При всем многообразии персонажей, изображенных на страницах мемуаров, писатель является главным персонажем. Все события сконцентрированы вокруг творческой судьбы мемуариста и подчинены ей.

Ключевые слова: мемуары, литературный очерк, образ автора, жанр, литературная эпоха.

SUMMARY

N.N. Filyanina

LAKSHIN AS LITERARY CRITIC ON PAGES SOLZHENITSYN'S MEMOIRS «THE CALF WAS BUTTING WITH AN OAK. LITERARY LIFE ESSAY»

In the article an attempt was made to analyze the art specificity of autobiographical moments based on material of Solzhenitsyn's memoirs book

«The Calf Was Butting with an Oak». Events and characters that reflected in Solzhenitsyn literary memory have been correlated. In all variety of personalities, described on memoir pages, writer is the main character. All events are concentrated around creative fate of the memoirists and subjected to it.

Key words: memoirs, literary essay, author character, genre, literary epoch.